

жду терапевтом и пациентом на определенной стадии терапии, когда терапевт может оказать влияние на поведение или отношение пациента в направлении изменения, что перед этим моментом казалось либо невозможным, либо недопустимым.

Разрешению приходится сталкиваться со сценарием. Мы рассматриваем пациента, как человека, который имеет сценарий или жизненный план обычно с трагическим концом, основанный на предписаниях, которые он невербально получил от своих родителей или «тайных» родителей – «матери-ведьмы» и «отца-тролля». Например, «Не взрослей и не становись успешней меня!», «Убей себя!», «Напейся до смерти!» Сценарий, вырастающий на отдельных предписаниях, расширяется и развивается посредством последующего опыта и игр.

Для того чтобы измениться или остановить развитие сценария, пациенту необходимо разрешение, чтобы отменить эти предписания: разрешение не пить, не убивать себя, - таким образом, позже, он сможет самостоятельно делать выбор, основанный на оценках, которые дает его Взрослый, по поводу реального мира.

Терапевт может дать такое разрешение, но только после того как поймет сценарий и познакомится с Ребенком «тайным» Родителем пациента и их природой. Пациент может пытаться шокировать или совратить терапевта и заставить его участвовать в игре по сценарию и таким образом «исполнять роль матери» для клиента. Молодая незамужняя женщина со сценарием, полученным от матери «Будь глупой и не становись успешней меня» может получить от терапевта следующий комментарий: «Я надеюсь, Вы пользуетесь противозачаточными средствами», что означает «Да, ты глупа, и это источник всех твоих проблем». Потом, когда откроются все неприятности, она будет с теплотой вспоминать о терапевте, который «был так добр с ней и делал все, что было в его силах». Пациент может описывать ненавистный брак и, на первый взгляд, нуждаться в разрешении на развод, а, на самом деле, он таким образом будет просить терапевта дать ему разрешение не покидать жену, то есть не следовать сценарию.

Младенец физически беспомощен. Он выживает, только если мать, или тот, кто ее заменяет, находится рядом и предоставляет ему пищу, физический комфорт и поощрение; его интеллект развивается, только если он получает необходимые поглаживания. Таким образом «достаточно хорошая» мать защищает ребенка, сохраняя ему жизнь, и, когда его растущий Взрослый начинает исследовать и находить информацию об окружающем мире, показывает ему, что это безопасно и правильно. Прежде всего, Ребенку необходимо присутствие матери рядом для защиты и Взрослому в Ребенке – «Профессору» - приходится по доступным сведениям вычислять, как это устроить.

Различие между здоровым и нездоровым материнством в пре-Эдиповом периоде казалось бы лежит в условиях, которые ребенку приходится принимать и исполнять для того, чтобы удержать мать рядом. При здоровых взаимоотношениях Родитель матери отвечает на первую примитивную просьбу «Защити меня», возможно, одним условием «Я защищу тебя, если ты будешь улыбаться мне». Здесь, таким образом, возникает прямая транзакция между младенцем (Р I) и Родителем матери, который позволяет маленькому Профессору (В I) выяснять, просчитывать определенные вещи самостоятельно - и «брать уроки» у Взрослого матери.

Между тем Ребенок матери и Ребенок ее отпрыска будут наслаждаться жизнью, танцуя друг с другом.

Однако, когда устанавливается сценарий, ребенок общается со смущенным родителем. На его просьбу «Защити меня» отвечает Псевдородитель, при этом кажется, что ответ исходит от Родителя матери, но на самом деле это говорит ее напуганная, сексуально возбужденная «мать-ведьма» Ребенка, которая умеет только заключать сделки.

«Я защищу тебя (буду рядом), если ты поиграешь со мной, - будет забавно, если ты убьешь себя».

Так как любое самостоятельное поведение малыша будет незамедлительно наказываться, молодой Профессор понимает, что единственный безопасный путь – продолжать игры с Ребенком матери.

Маленькому ребенку приходится принимать всех, кто рядом, но осознание того, что о нем не заботится настоящий родитель, может проявиться болями в животе.

На последней стадии напуганный ребенок, полагающий, что защита, зависит от условий, заключает дальнейшие сделки с Ребенком отца, таким образом уточняя и расширяя свой основной сценарий, и научается (если не от отца, то от других взрослых или героев книг) тому, как маневрировать своей жизнью в направлении ее финальной трагической сцены.

В здоровых взаимоотношениях человек взрослеет. Его родители со своими тремя эго-состояниями постепенно становятся частью его интернализованного Родителя, в то время как молодой Профессор развивается в функционирующего взрослого. Однако, когда устанавливается сценарий, скованный условиями ребенок никогда по-настоящему не взрослеет. В сценарии Взрослый взрослого контаминируется Ребенком, которым он когда-то был, и, особенно, маленьким Профессором этого Ребенка, который делает все, что кажется разумным, чтобы удержать мать рядом. Таким образом сценарий пациента может быть качественно направлен на жизнь или на смерть. Следуя логике маленького Профессора, если пациент прекратит жить по сценарию, он будет наказан, покинут и, вероятно, оставлен умирать. Ребенок пациента, заключенный во времени, всегда стремится сохранить там и Родителя, даже если для этого ему придется убить себя.

Терапевт, который хочет провести интервенцию, должен вначале подцепить (to hook) Профессора, предоставив ему больше информации, например, указав, что на самом деле пациенту предоставлены другие альтернативы для выбора. Во-вторых, терапевт должен быть сильнее, чем настоящий родитель пациента. В про-

НЧПип под рук-вом
проф. ШУСТОВА Д.И.
ТЕЛ. 75-43-73

Рязань РОКПБ для

«Вы не обязаны уходить от души» или «Вы не обязаны убивать себя», терапевт может вроде бы исходить из Взрослого, но Ребенок пациента будет воспринимать его как Родителя. Терапевт разрешает Ребенку пациента послушаться инструкций его Родителя, а это возможно только в том случае, если Ребенок пациента считает, что терапевт лучше, сильнее и эффективнее. Когда терапевт дает разрешение, он предоставляет защиту: то есть, послушание матери или отца не приведет к тому, что Ребенок будет покинут, умрет, или будет наказан за послушание. Я заметил, что даже в случаях, где сценарий вроде бы изменился или был закрыт, за временным восторгом может последовать депрессия или какая-либо форма демонстрации, когда пациент, в минуту страха, что терапевт, которого нет рядом, его бросил, пытается реанимировать собственного Родителя. Пациент, который ввязался и был избит в уличной драке вскоре после того, как начал разбираться в своем сценарии «Не будь мужчиной», описал это состояние как «возвращение папочки».

Когда сценарий наконец сломан, у пациента возникает большой выбор путей, которым он может следовать. Если пациент хорошо поработал над собой, контрсценарий может предоставить новое направление для жизни. Например, мужчина, чей сценарий содержал послание «Будь глупым и не преуспевай в научной деятельности», вполне вероятно, прилежно и отчаявшись трудился, годами приобретая знания и степени, которые теперь можно было бы эффективно использовать. Но в других случаях пациент может стать самостоятельным только после того, как заменит Родителя терапевта собственным Родителем, приобретая защиту, когда его Взрослый стал достаточно сильным – усваивая информацию и научившись перерабатывать ее – чтобы принять это.

В течение этого времени зависимости пациент может интересоваться терапевтом, чем тот занимается и чем нет. Алкоголик может спросить терапевта «Вы пьете?» и хотя ответ будет звучать, как «это на самом деле Вас не касается», такие вопросы нужно воспринимать серьезно (так как они могут оказаться исключительно важны для определения защитной ценности терапевта).